

Джули

kmh

Kmh

Джули

«Автор»

2024

Kmh

Джули / Kmh — «Автор», 2024

Вся жизнь похожа на один длинный сон. Он никак не заканчивается: события цветной лентой огибают сознание, и голова кружится каждое новое рождение. Юли спит слишком долго, чтобы чувствовать усталость, но слишком мало, чтобы нормально функционировать. И каждый сон после очередной смерти отзывается жгучей болью в легких – неприятный склизкий ком сидит внутри, и ничего не помогает. Она просыпается вновь и вновь, и эта жизнь похожа на один длинный кошмар.

Кmh Джули

Вся жизнь похожа на один длинный сон. Он никак не заканчивается: события цветной лентой огибают сознание, и голова кружится каждое новое рождение. Юлли спит слишком долго, чтобы чувствовать усталость, но слишком мало, чтобы нормально функционировать. И каждый сон после очередной смерти отзывается жгучей болью в легких – неприятный склизкий ком сидит внутри, и ничего не помогает. Никогда не помогает.

Женщина еле стоит на ногах, когда пытается прийти в себя. Она опирается на холодильник вялой ватной рукой и трет переносицу двумя пальцами. Картинка перед глазами мутная и размазанная: мигрень слева прогрызает глазницу.

– Доброе утро! И сразу начнем с погоды: в ближайшее время ожидаются продолжительные дожди. Главное, не поддаваться унынию, но солнце мы увидим не скоро! Перейдем к не менее важным новостям: на днях пожарные достали бедного котенка с дерева... – Юлли резким движением выключает радио и присаживается на стул. На кухне душно: окно с вечера никто не открывал. Пустые банки из-под пива валяются на рабочей зоне и на полу, в воздухе спертый запах.

Сначала убрать, потом приготовить завтрак, потом... Можно позже решить.

Юлли снова нажимает на кнопку включения, но сразу переключает станцию на какую-то музыкальную. Тихая утренняя мелодия разрезает плотную тишину комнаты, и женщина открывает окно, чтобы вздохнуть свежим воздухом. Утро и правда хмурое: тяжелые тучи сковали небо, и дождя пока нет, но воздух уже влажный и напряженный. Судя по детскому смеху, ребягтя гуляет где-то ниже по улице. Удивительно, что кто-то решил покинуть дом в такое время, еще и в этом районе.

Юлли опирается предплечьями на оконную раму и высовывается на улицу. День обещает быть тяжелым: Владимир вернулся вчера поздно вечером, напился и ушел спать, а значит сегодня утром будет шататься, жаловаться на головную боль и извиняться за то, что он натворил.

Как всегда.

В памяти всплывает смутный образ кого-то знакомого: Юлли закрывает глаза, чтобы снова увидеть перед собой высокую сильную фигуру с копной смоляных волос. Лица почти не видно, но она точно знает, кто это. Горькая усмешка застывает на губах.

Кофеварка пищит, и женщине приходится приподняться. Мигрень все никак не успокаивается, но Юлли наливает себе крепкий кофе в кружку и садится за стол. На нем лежит все еще недочитанная книга: закладка покоится где-то посередине. Каждый раз стоит открыть эту книгу, как мысли улетают далеко, и становится не до чтения. И сейчас то же самое.

Музыка на фоне прерывается тяжелыми шагами по лестнице. Мужчина спускается осторожно, боясь упасть. Стоит ему подойти ближе, как и так спертый запах портится ароматом похмелья. Юлли хмурится и морщит нос, но в остальном недовольного вида не подает: не отрывает взгляда от книжных строк.

– Доброе утро, золото, – Владимир смазано целует ее висок и отходит к кофеварке. Он громко шумит кружками, роняет одну из них, матерится на русском и наконец что-то себе наливает. Юлли старается не оборачиваться, хотя есть навязчивая мысль в голове: встать и сделать все самой.

– Доброе.

– Не спросишь, когда я вчера вернулся? – Шатаясь, он садится напротив жены.

– А тебя волнует мое мнение и мои вопросы? – она отвечает сдержанно, но с еле заметной сталью в голосе.

– Нет, ну если тебе все равно, я не буду лезть. – Владимир ест какой-то кривой бутерброд, но не жалуется на отсутствие еды в доме, – Но ты бы тут убралась, знаешь. Грязно как-то, да и душно. Ты дом что-то запустила.

Юлли наконец-то отрывается от пустого созерцания книги и смотрит на мужа с издевкой, приподнимает бровь. У него абсолютно искреннее непонимания собственной неправоты – Владимир кивает на пустые банки на полу и отпивает свой кофе.

– Уберусь, не беспокойся.

– Съездишь сегодня в ресторан? Я не успеваю.

– Угу.

– И там еще этот малолетний идиот приходил под дверь вчера, ты его чего не отвредила? Пусть меньше здесь кружится.

– Не слышала.

Она все слышала вчера. Она знает, во сколько точно вчера вернулся Владимир, и она слышала, как он орал ночью на испуганного Чарли в их дворе. Парень завалился около девяти вечера и не собирался уходить до самого момента, пока мужчина не начал ему угрожать кулаками. Скорее всего Чарли опять был накуренным.

Парень приходит сюда очень часто: почти каждый вечер после смерти Джорела он приходит к их крыльцу или забирается на задний двор в абсолютно невменяемом, но безобидном состоянии. Пару раз Юлли пыталась его выгнать, а потом поняла, что это бесполезно: Чарли сам уйдет утром, после того, как выскажет весь свой пьяный, наркотический бред.

Его даже жалко иногда. И все же, это мало, что меняет.

– В любом случае, я его выгнал. Достал тут заявляться, не знает, что ли, ничего про частную собственность? Пусть у себя в халупе торчит, а к нам не заявляется. – Владимир допивает свой кофе и встает из-за стола. – Уже два года это тяну. Может, ну его?

Он проводит кистью у шеи, намекая на определенные действия. Юлли равнодушно пожимает плечами и откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди. Ей, может, парнишку и жалко, но ее никому не нужное мнение в этом доме озвучивать смысла нет.

– Делай, как знаешь. Что я не скажу, тебе не понравится.

– Джули, ну че ты опять такая? Ну нормально же все было? Я ж вчера вернулся тихо, тебя не будил. Выпил немного и все, – Свалил половину посуды, избил парня во дворе, пил под громкий звук телевизора и все никак не мог улечься на кровать.

– Нормальная я, просто делай, что хочешь.

У мужчины взгляд противоречивый: жесткий и жалобный одновременно. От этого мерзко и тревожно, как бы Юлли не старалась, привыкнуть к такому отношению в свою сторону тяжело. Владимир наклоняется и пытается поцеловать жену в качестве извинений: она отворачивается и снова морщит нос от неприятного алкогольного запаха – в итоге он просто нелепо и мокро касается женской щеки губами. Мужчина забирает пустые кружки и относит их к раковине, чтобы Джули было легче их мыть.

– Я тут подумал, можешь все-таки как-нибудь съездить в эту свою Норвегию. Только не дольше, чем на неделю. Я не против.

Он не смотрит на жену, переставляет посуду с места на место – не прибираясь, а без причины. Каждое его движение и слово сейчас звучит абсолютно жалко, и, скорее всего, именно это он осознает. Владимир наконец-то решает сполоснуть кружки. Как только он включает воду, слышно громкий женский кашель.

Юлли резко отодвигает стул от стола и наклоняется, пока легкие прознает режущая боль и судорога кашля. Несколько мучительных секунд тянутся вечность, но вот она снова начинает дышать. Юлли прикрывает глаза и возвращается в прежнюю позу: откидывается на спинку стула.

– Если успею, съезжу. Купи мне билеты.

Владимир уходит по своим делам примерно через полчаса. Рядом с ключами для машины оставил пачку наливки – так происходит каждый раз после его пьянок. Первый год их брака она намеренно игнорировала такие подачи – гордость не позволяла прикоснуться к этим деньгам. Потом постепенно заговорил голос разума: раз уж не получается исправить ситуацию, можно воспользоваться ею.

Таблетки для головы всегда лежат поблизости – последнее время мигрень участилась, и без них слишком тяжело. Юлли выдавливает последнюю из блистера, напоминая себе заглянуть в аптеку сегодня. Ближайшие полчаса будут туманными, но зато потом будет легче.

Она проходит на диван в гостиной и ложится прямо в тапочках: сонная нега закрывает глаза, и женщина проваливается в тревожную, практически неощутимую дрему. Перед глазами снова мелькает знакомая фигура, та же, что и в прошлый раз: с черными волосами. «Джули» видит себя же: она лежит на плече у любимого мужчины и говорит о чем-то на неразборчивом языке, отдаленно напоминающем какой-то из скандинавских. Время пошло трудное, и эти спокойные сны зачастили своим визитом.

Именно из-за этих воспоминаний она и собирается уехать на север. Хотя бы на неделю.

Постепенно боль уходит: волнами, она спускается по левой стороне ниже и ниже и растворяется. В комнате уже не так душно, и наконец-то можно сделать хоть что-то. Юлли поднимается с дивана, сразу же прикрывая ладонью глаза: несмотря на помощь таблеток их все равно раздражает любой яркий блеск, даже от люстры.

За окном все еще хмуро. Тучи сгущаются.

Недорогая серая машина припарковывается у большого ресторана. Юлли проводит руками по рулю и вздыхает. В горле опять першит – скоро снова приступ. Выходить на улицу и идти в кабинет совсем не хочется: она поправляет зеркало заднего вида, включает и выключает радио, надевает крупные солнцезащитные очки и все же открывает дверь.

В тонком платье до колена уже холодно. Да и обычные туфли на шпильке тоже кажутся неправильными: Юлли впервые ощущает дискомфорт в своем обычном наряде. Она обхватывает себя руками и спешит побыстрее ко входу. Неприятный ветер заставляет съежиться, и только в тепле людного зала женщина расслабляется. Она расправляет плечи, элегантно движением снимает очки и откидывает светлые волосы с плеча назад. Уверенным шагом, стуча по полу каблуками, она следует прямо к своему кабинету: официанты вежливо кивают в знак приветствия.

Внутри пусто. Окно было открыто долгое время, так что не только пусто, но и зябко. Первым делом Юлли закрывает его, а потом сразу же оседает на подоконник. Быстрая ходьба выматывает чуть ли не больше, чем споры дома: дышать все еще трудно. Она старается тихо прокашляться, одновременно бросая сумочку на стол. Мобильник, желтый бутылечек, кошелек – все сразу вываливается на деревянную поверхность.

Баночка с таблетками подкатывается к фотографии в рамке. Юлли переводит дыхание и смотрит на картинку: оттуда на нее смотрит Владимир с Джорелом, мальчик здесь еще маленький и вроде даже счастливый. Он стоит подбоченившись, совсем как его отец – гордо уперев руки на бедрах. Фотография объективно смешная и немного нелепая, – с каким только пафосом ее делали – но Юлли и не думает ее убирать. Номинально кабинет принадлежит ей, по факту – Владимиру. Дрожащей рукой она хватается за таблетки и, кое-как откупорив банку, кидает одну в рот. Проглатывает, не запивая.

Важно было сегодня красиво появиться здесь, показать, что этот ресторан действительно что-то значит для их семьи, а еще надо забрать деньги из сейфа домой. В книжном шкафу практически нет настоящих книг: только какие-то полупустые папки с документами, пустые фоторамки, идентичные той, что стоит на столе и парочка ненужных книг на русском. Здесь

практически все стоит нетронутым, потому что Юлли здесь бывает только для одной и той же цели каждый раз.

Среди серой мглы на небе мелькает яркая молния.

В голове мысли стоят в четком порядке, и только одна выбивается из всеобщей структуры. Она появляется неожиданно, стоит только взгляду наткнуться на пистолет в сумочке. Именно сейчас начинает казаться, что кто-то следит за ней с улицы, пока сумрак мрачного дня скрывает детали. Даже гомон людей за стеной стихает на несколько долгих секунд. Откинув глупую мысль, Юлли прячет пистолет поглубже, чтобы самой на него не смотреть.

– Чушь.

Она стучит ногтями по столу, а потом все-таки открывает сейф. Зеленые бумажки аккуратно ложатся одна на другую в большую спортивную сумку, с которой потом придется выходить через черный ход. Деньги шелестят и набивают сумку, пока женщина тихо ругается – непонятно на что. Она сама не знает.

В кабинет стучат.

– Да?

Дверь приоткрывается, и внутрь заходит администратор. Милый паренек лет двадцати со слишком идеальной прической: свет от лампы на потолке отражается на его волосах в лаке. Он уважительно кивает.

– Миссис Флеймс, очень рад снова вас видеть.

– Да, взаимно, Сэм. Что-то важное? – Юлли встает и поправляет подол платья, незаметно толкает баночку с лекарствами в свою сумочку.

– На самом деле, я просто хотел поздороваться и передать вам отчеты, которые мы, по просьбе вашего мужа, не храним в этом кабинете. Он звонил, просил отдать все вам. – Сэм говорит немного робко, но руку с черной папкой протягивает уверенно.

Юлли учтиво кивает и сразу открывает папку: вроде бы и правда про ресторан.

– Какие-то новости? – Она говорит, не отрываясь от анализа бумаг.

– Никаких. Все как обычно. Разве что, – он прерывается, будто задумывается, – недавно заходил мужчина с ребенком, интересовались, на месте ли вы. Я сказал, что вас нет.

– Помнишь, как выглядели?

– С трудом. Помню, что у девочки были волосы светлые, ну и мужчина был лет пятидесяти. Я думал, даже столик брать не будут, но в итоге они немного посидели. Если необходимо, могу найти примерную дату их визита.

– В этом нет необходимости, спасибо, – Юлли захлопывает папку и кладет ее на стол. Снова начинает отбивать ритм ногтями. – Еще что-то?

– Ничего, мэм.

– Хорошо, тогда можешь идти. Я тоже сейчас ухожу.

Сэм быстро прощается, поправляет на себе жилет и выпархивает из кабинета. Он толковый парень с весьма незаурядной памятью. И все же хорошо, что он не понимает истинного назначения этого ресторана. Не задает вопросы про деньги в спортивных сумках – и замечательно. Видимо, муж объяснил ему все крайне доходчиво.

Стрелка на часах подходит к трем. План на день остается таким, как всегда: сходить за продуктами и таблетками, приготовить ужин и дожидаться Владимира, заняв в это время чьими-то руками. Юлли давно не бралась за вышивку: последняя работа так и валяется на столике у кресла и дожидается, пока ее закончат.

Значит, сегодня вышивка.

Женщина ловко подхватывает свою сумочку и большую черную спортивную. Выключает свет и выходит в темный коридор. Стук каблуков отдается эхом на фоне шумных разговоров в зале. Здесь пахнет одновременно пылью и красотой готовки: сочные запахи мяса и трав щеко-

чут нос, и в голове сразу появляются яркие краски и картинки. За стеной слышно радостный смех и звон бокалов: кто-то празднует день рождения.

Домой.

Когда она возвращается, у гаража уже стоит черный джип Владимира. Обычно он заявляется домой поздно ночью: до того, как уснет жена, но ближе к полуночи. Юлли берет в руки сумку и пакет с продуктами и двигается в сторону дома: конечно, он заметил ее приезд и вышел помочь.

Первые дни он всегда рвется помогать и заглаживать вину.

– Нормально прошло? Ничего не спрашивали?

– А должны были? Возьми сумку, – Она протягивает спортивную, а свою достает из машины, – все, как обычно. Ты ж хотел стабильную систему, вот она у тебя и работает. Чего боишься?

Владимир не отвечает, а резкими, рваными движениями идет в дом. От него уже не пахнет вчерашней выпивкой: за день запах выветрился и сменился на аромат дорого и слишком яркого одеколona. Рубашка без галстука, и он расстегнул первые пуговички. Дома недавно, раз не переделся.

Юлли кидает ключи на тумбочку.

– Я купил тебе билеты. Вылет послезавтра, и вернешься девятнадцатого. Надеюсь, недели в этих скалах тебе хватит? Взял до Осло.

– Угу.

Новость почему-то совсем не радует. Она медленно снимает каблуки, тяжело вздыхает и потом босиком следует на кухню за водой.

Стоило лишь раз проигнорировать его поведение, чтобы наконец-то добиться свободы на неделю. Официально, Владимир не держит ее в клетке: для него Джули, настоящая Юлли, просто всегда должна находиться в городе. Вольна делать, что только угодно: тратить большие суммы, ходить по музеям и театрам, гулять хоть круглыми сутками, ходить на работу. Пару лет назад она была врачом. После смерти Джорела выходить на улицу стало совсем тяжело, да и здоровье ухудшилось.

– Ну и где мое «спасибо»? – в мужском голосе слышно нарастающую злость, – Где благодарность-то?

– Спасибо большое, – Юлли равнодушно открывает окно и присаживается в кресло рядом, тонкими длинными пальцами достает сигарету из полупустой пачки и закуривает – дым исчезает в темноте улицы.

– Я тебя опять не понимаю. Что тебе еще нужно? Ты мне мозги проела этой поездкой – получила, опять сидишь никакая. Что ты хочешь от меня? – Голос начинает срываться на крик.

– Да с каких пор тебя это волнует? С сегодняшнего утра? Я хочу, чтобы ты пить перестал. Хочу, чтобы вся эта муть с наркотиками закончилась. Хочу, чтобы ты не трогал меня, если тебе вдруг приспичит. Еще? – Юлли отворачивается от окна, и в ее зеленых глазах мелькает сталь. Внутри бурлит что-то давно забытое, оно прямо в груди: какой-то шар удивительной энергии. Изредка такое случается, и тогда вещи оборачиваются удивительным образом. Правда, не всегда.

У Владимира желваки ходят на скулах, он сжимает кулаки так, что уже белеют костяшки. Воздух в комнате снова будто бы накалился, а полное отсутствие звука лишь ухудшает ситуацию. Громкими резкими шагами мужчина оказывается совсем близко: он упирается руками в подлокотники кресла и нависает над Юлли. Она еле сдерживается, чтобы не сморщиться от отвращения и упорно смотрит в злые серые глаза напротив. Дрянной запах от дыма сигарет раздражает, и она незаметно тушит ее в пепельнице, не отвлекаясь.

– Следи за своим языком, неблагодарная тварь. Я тебе даю все, что ты только можешь пожелать, так пользуйся этим.

Краем глаза за короткий миг Юлли замечает, как он собирается замахнуть рукой для пощечины, но в последний момент останавливается. Без причины. Блеск в зеленых глазах становится ярче на эту секунду.

– Только попробуй, – она переходит на злобный шепот и отталкивает мужчину в грудь.

– Если я узнаю, что ты мне еще и изменяешь, будет хуже, – крик летит ей в спину.

Юлли поднимается в комнату их сына и закрывает дверь. Мягкий шар в груди будто бы выплеснулся – прямо в тот момент, когда мужчина намеревался ее ударить. Она сжимает кисть и прикладывает ее к сердцу – оно тревожно бьется, и эта тревога внутри не появлялась уже очень давно.

Мысль, которая появилась в ресторане, возвращается.

А вместе с ней и воспоминание о мужчине с ребенком.

– Дождь все никак не приходит, но я готов вам помочь скрасить этот серый и душный денек субботы! – Радостный голос Мэгтью, радиоведущего, стирает тишину кухни, – На часах уже десять утра, а значит, те, кому не повезло, сейчас едут на работу. Я с вами, друзья, в этот нелегкий день! Давайте пожелаем кровати подтверже тем, кто сейчас валяется у себя дома...

Юлли снова заваривает кофе.

Дрянной вкус царапает глотку, когда она проглатывает этот горячий ком. Из-за вчерашнего вечера энергии в теле практически нет: зато есть опухшие глаза, словно набитые разбитым стеклом, и тяжесть в плечах. Юлли бездумно переключает станции. Белый шум рисует картинки в голове: холодное бесконечное море. Переливается своим ледяным серебром – одно из воспоминаний детства накрывает соленой волной и окрыляет свежим ветром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.